

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ: ШКОЛА МОЛОДОГО БОЙЦА

История с политкорректностью в нашей стране сразу началась в виде фарса. Известная писательница Татьяна Толстая, пожив в Америке, вдруг вместо дифирамбов, которые тогда, в середине 90-х, принято было петь цитадели демократии, написала очень смешной фельетон. В нем она от души потешалась над этой самой политкорректностью – явлением, у нас в то время еще малоизвестным и потому вызывавшим недоумение: как следует к нему относиться?

По прочтении фельетона стало понятно, что политкорректность – типичный западный “перегиб”. Защита прав человека уже доходит до маразма. Демократы (так тогда называли поклонников общечеловеческих ценностей) растерянно пожимали плечами, патриоты же (те, кто случайно прочитал Татьяну Толстую, поскольку она была из противоположного лагеря) потирали руки от удовольствия: вот до чего докатилась эта Америка! Но удержаться от смеха не мог никто, читая, как в борьбе с “сексизмом”, то есть в полном соответствии с политкорректностью, нужно было бы переписать сказку о Красной Шапочке. (Сексизм – это, по определению борцов за равноправие женщин, “мужской расизм”, выражающийся в утверждении превосходства мужчин над женщинами. В сексизме могут обвинить и работодателя, который предпочел взять на вакантное место представителя сильного пола, и галантного кавалера, который, не дожидаясь просьбы дамы, попытался помочь ей понести тяжелую сумку или подал пальто.)

С подачи ли Татьяны Толстой или по каким-то причинам, кроющимся в национальной психологии, но слово “политкорректность” и его производные вошли в наш язык исключительно в ироническом варианте: “Ты уж извини, я выражусь неполиткорректно...” или: “Только моя врожденная политкорректность не позволяет мне назвать тебя козлом” и т. п.

Маскировка, лакировка и побелка

Но по прошествии нескольких лет российские читатели узнали, что фельетонная шутка писательницы вовсе не шутка, а сущая правда: сказка-таки была переписана. И даже познакомились с фрагментом реального текста, который привел в своей книге “Манипуляция сознанием” широко известный политолог С. Г. Кара-Мурза: “Жила-была малолетняя персона по имени Красная Шапочка. Однажды мать попросила ее отнести бабушке корзинку фруктов и минеральной воды, но не потому, что считала это присущим женщине делом,

а (обратите внимание) потому что это было добрым актом, который послужил бы укреплению чувства общности людей. Кроме того, бабушка вовсе не была больна, она обладала прекрасным физическим и душевным здоровьем и была полностью в состоянии обслуживать себя, будучи взрослой и зрелой личностью” (С. Г. Кара-Мурза. “Манипуляция сознанием”. М., “Алгоритм”, 2000, стр. 90–91).

Из книги С. Г. Кара-Мурзы мы много чего узнали полезного. В частности, и то, что политкорректность – не только повод для иронии. Что это вовсе не перегиб и не маразм, как казалось Татьяне Толстой, а один из манипулятивных приемов, заключающихся в маскировке, затуманивании истинного смысла явлений, когда на черное говорят “белое” или, в лучшем случае, “светло-серое”. Но так ловко подбирают слова, что подмена незаметна. Например, вторжение вражеских войск на территорию другого государства может называться “мироворческой операцией”, “гуманитарной интервенцией”, “установлением демократии”. Или проститутку называют “секс-работницей”, а фактическую легализацию употребления наркотиков – “программой снижения вреда”.

Может показаться, что политкорректному пересмотру подвергаются все сферы жизни. Но по некотором размышлении этот тезис приходится отбросить. Сфера применения весьма избирательна. Вот в кулинарии – разве там предлагают соблюдать политкорректность? Нет, все называется прямо, как есть. Русские щи, японские суши. Не запрещено даже словосочетание “русские пельмени”, хотя можно было бы при желании обвинить нас в грубейшем нарушении авторских прав, так как рецепт принадлежит Китаю.

И в ботанике как-то не видно особой политкорректности. А ведь девушки с именем Маргарита могли бы обидеться и потребовать переименования цветка из маргаритки в маргариту, чтобы их имя не произносилось с таким уничижительным суффиксом. А уж как могли бы возмутиться защитники животных! Сколько исков о защите чести и достоинства собаки, осла, крысы, подколодной змеи, барана и других “братьев наших меньших” вчинили бы они тем, кто употребляет эти слова не по прямому назначению, а в ругательном контексте! Заодно, в русле зоополиткорректной логики, пришлось бы переписать подавляющее большинство произведений мировой литературы. А некоторые, как особо оскорбительные и совершенно неисправимые, попросту запретить. Например, басни Крылова или Лафонтена.

Так какие же сферы жизни подвергаются политкоррекции? Ну, ясное дело, политика. Тут и думать нечего, само название подсказывает. Национальный вопрос? Безусловно. Русские щи – пожалуйста, русская культура – уже с оговорками. А русское государство – ни-ни! Ужас как неполиткорректно!

Взаимоотношения полов... Вроде бы политика тут не при чем, а политкорректоры стараются вовсю. Кроме уже упомянутой борьбы с сексизмом развернулась многолетняя схватка за права содомитов, которых так называть нельзя. Неполиткорректно. Намечается и новое направление борьбы – за права вырождков, растлевающих детей. Их, вырождков, теперь очень красиво называют “педофилами”, любителями детворы. Еще недавно это слово если и употреблялось, то в специальной литературе о половых извращениях. Теперь же оно стало достоянием масс, и вполне вероятно, что вскоре придумают еще более политкорректный термин, который будет уже полностью оторван от смысла обозначаемого явления. Примерно по той же схеме, по которой происходило облагораживание другого содомского греха (как правило, тесно связанного с только что упомянутым): “педераст” – “гомосексуалист” – “человек нетрадиционной ориентации” – и, наконец, “гей” или “голубой”.

Вообще, в сфере половой морали немало политкорректировок. Разнообразными вывесками закамуфлирована пропаганда разврата. Тут и “сексуальное просвещение”, и “половое воспитание”, и “пропаганда здорового образа жизни”, и “борьба со СПИДом”, и “безопасный секс”. Порядком заминированы политкорректорами и другие области морали. Сколько усилий было положено либеральной интеллигенцией на то, чтобы стало почти неприличным произносить слова “предатель”, “дезертир”, “изменник Родины”! Вместо этого услужливо подсовывались более нейтральные: “перебежчик”, “невозвращенец”, а то и “герой, боровшийся с тоталитарным режимом”. Одному такому “герою”-изменнику, Олегу Гордиевскому, английская королева демонстративно вручила орден за заслуги в укреплении безопасности Великобритании.

Людей алчных, продажных, взяточников, коррупционеров начали вдруг именовать нейтральным, каким-то мутноватым словом “прагматик” и даже весьма положительным “хороший хозяйственник”. (Часть из этих “хозяйственников”, правда, впоследствии оказалась на нарах, за что “силовики” стали подвергаться весьма неполиткорректным нападкам в прозападной печати.)

Можно было бы вспомнить и о политкорректном отношении к наркома-нам, которых правозащитники любят именовать “наркозависимыми” или, совсем уж зашифровано для широкой публики, “аддиктами”. И про многое другое. Но, пожалуй, пора сделать выводы.

Некоторые выводы и пояснения

Вывод первый: политкорректность применяется в различных областях человеческих взаимоотношений, хотя отнюдь не во всех.

Вывод второй: политкорректность позволяет без видимого насилия изменить моральные оценки и ценности.

Вывод третий (здесь придется кое-что разъяснить): требования политической корректности в таких вроде бы аполитичных сферах, как взаимоотношения полов, не содержит никакого противоречия, ибо изменение ценностей рано или поздно влечет за собой изменение законодательства и в целом политики государства. Так, например, поощрение абортов, контрацепции, стерилизации и разврата под политкорректным прикрытием “планирования семьи” ведет к депопуляции и вынуждает правительства смягчать миграционное законодательство.

Борьба с “сексизмом” льет воду на ту же мельницу: женщины, которые качают права, не нуждаются в мужской защите и помощи, настаивают на абсолютном равенстве полов, для многих мужчин перестают быть притягательными. (Недаром русские невесты, пока борьбой с “сексизмом” не зараженные, так котируются на Западе.) Меньше семей – хуже демография. Выходит, опять политика!

Политкорректность по отношению к содомитам тоже способствует депопуляции, так как они не склонны продолжать род. Следовательно, чем их больше, тем меньше будет рождаться детей. И тем опять-таки актуальней становится политический вопрос о замещающей миграции. Кроме того, лояльное отношение к “геям” влечет за собой законодательное расширение их прав. Постепенно им удается проводить на самые верхи государственной власти своих людей, которые формируют “новую политику” – политику Содома. Мэр Берлина, например, “открытый гей”, и совсем недавно горрод заполонили сотни тысяч (!) ему подобных, которые вместо ежегодного, уже привычного там “парада гордости” решили устроить грозную акцию протеста, требуя дальнейшего расширения своих прав. Можно не сомневаться, что мэр поддержит, где надо, это многотысячное сексуальное меньшинство.

Мэры-гомосексуалисты Берлина, Лондона и Парижа, столиц крупнейших европейских государств, активно влияют и на международную политику. Так, на Рождественских чтениях в конце января 2007 года наш мэр Ю. М. Лужков с трибуны рассказал, как эти господа давили на него (по его выражению “прессовали”), вынуждая разрешить извращенцам “погордиться” у Кремлевских стен.

Вывод четвертый: на самом деле политкорректность не просто один из манипулятивных приемов воздействия на общество. Это мощнейшее оружие информационной войны. Оно позволяет мягко, незаметно дезориентировать и деморализовать противника, чтобы он сдался без боя, поскольку бой – это верх неполиткорректности. Ну, а при мастерском владении этим оружием противник переходит на твою сторону, встает под твою знамена и от души рукоплещет победе добра и справедливости. Тот же, кто не переходит, артачится, будет наказан по всей строгости нового, политкорректного закона. Сообщение с “Русской линии” (сводка новостей от 11.07.2007): “Бельгийские содомиты подали в суд на епископа Намюрского Анри-Мутьена Леонарда. Его обвиняют в “ненависти к педерастам”, что в Бельгии является уголовным преступлением после принятия закона по борьбе с дискриминацией в 2003 году, сообщает Sedmiца.Ru. В апреле в интервью еженедельнику “Tele Moustique” епископ назвал извращенцев “ненормальными людьми”. По мнению Мишеля Грейндю, адвоката содомитов, епископ “заклеймил” извращен-

цев, чье “достоинство и идентичность унижены, так как епископ считает их неполноценными и неправильными людьми”. Грейндо даже сравнил высказывание епископа с действиями нацистов в Германии. Этот случай — лишь один из серии преследований христиан за их убеждения. В прошлом январе христианин Ванне, член французского парламента, был обвинен в “ненависти к педерастам” только за то, что заявил, что “гетеросексуальность нравственно превосходит гомосексуализм”, и что “гомосексуализм подвергает опасности выживание человечества”.

Политкорректность и такт: почувствуйте разницу

Думаете, это где-то там, далеко, и к нам не относится? Ошибаетесь. Просто страны Запада немного нас опередили в плане толерантности. Но если ступить на сей путь, то мы догоним “цивилизованный мир” в рекордные сроки. Ведь, увидев, что уговоры зарубежных мэров-гомосексуалистов на Лужкова не подействовали, наши местные “гомики” (пока еще, слава Богу, не мэры), активно поддерживаемые правозащитниками, тоже обратились в суд.

Некоторые граждане (почему-то чаще мужчины, причем вполне “традиционной ориентации”) нервно реагируют на упоминание об информационной войне, манипуляции сознанием. Наверное, кто-нибудь из них, прочитав пассаж про “политкорректное оружие”, не выдержит и возмущенно воскликнет: “Опять враги? Опять заговор? Все высосано из пальца! Они просто на Западе вежливые, тактичные. Инвалидов называют людьми с ограниченными возможностями, а негров США — афроамериканцами. Авторы привыкли к совковому хамству и гуманное отношение к людям считают оружием!”

Что ж, мы бы охотно присоединились к мнению о тактичности политкорректоров, если бы нам помогли разрешить некоторые недоумения. Почему на современном Западе тактичность к извращенцам сплошь и рядом оборачивается вопиющей бестактностью по отношению к нормальным людям? Почему политкорректоры не подают в суд и даже не возмущаются не просто бестактностью, а запредельной грубостью, с которой содомиты публично говорят о женщинах?

Из заключения докторов юридических наук Богатырева А. Г., Кулиева П. Р., Михалевой Н. А., Понкина И. В. и доктора психологических наук Абраменковой В. В. относительно правовой возможности публичного проведения гей-парадов: “Анализ публикаций гомосексуалистов о так называемой “гей-культуре” позволяет выявить, что одной из ее характерных черт является ненависть и нетерпимость гомосексуалистов (по крайней мере, мужчин-гомосексуалистов) к женщинам нормальной сексуальной ориентации, по существу — расистское к ним отношение как к неполноценным существам, неполноценному расовому виду... Приведем... одну характерную цитату из “словарика” гомосексуальной “культуры”, размещенного на многих интернет-сайтах гомосексуалистов: “Двузюпый крокодил — насмешливое наименование женщины. То же самое — двустволка, мокрощелка, пустодырая... кошелка, натурель, оплеушина, проплешина, разуха, зассыха” (“Право против ксеноморфов в области общественной нравственности”. М., Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2007, стр. 17).

А ведь среди правозащитников есть и феминистки, патентованные поборницы женских прав. Почему же они молчат? Да и мужчинам, несмотря на антисексизм, негоже давать женщину в обиду. Или по сравнению с “геями” она не человек, и потому права человека на нее в данном случае не распространяются?

Еще вопрос: как сочетать с тактичностью выставление напоказ всего того, что традиционно относилось к сфере интимного и в мало-мальски культурном обществе прилюдно не обсуждалось? Когда появилась телевизионная, уличная, газетно-журнальная и прочая реклама прокладок и тампаксов, очень многие люди были этим шокированы. Помнится, в одной из телепередач, имитировавшей судебный процесс, женщина предъявила иск к рекламодателям, мотивируя свое заявление тем, что ей стыдно теперь смотреть телевизор вместе с мужем и взрослым сыном, а также ходить по улицам, поскольку такая реклама причиняет ей моральный ущерб, унижает ее человеческое достоинство, наносит психическую травму. Но ни один правозащитник ни тогда, ни после не кинулся защищать эту женщину. Как, впрочем, и миллионы других, считающих подобную рекламу крайне бестактной и даже бесстыдной.

О тактичности секс-просвета можно говорить разве что в фельетонной манере, которая так удается Татьяне Толстой. А самое, пожалуй, тактичное отношение к людям явили американцы во время войны с Сербией: поздравления с Пасхой были написаны прямо на бомбах!

Нет, уважаемый оппонент, не сходятся тут концы с концами. Чувство такта, в отличие от политкорректности, не носит избирательного характера и не оборачивается в определенных ситуациях вопиющим хамством. Тем более, кощунством. А вот информационное оружие как раз применяется избирательно. Зачем палить впустую, куда попало? Так поступают дети, играя в войну. Когда же война настоящая, бьют прицельно, по мишеням.

Собака вместо Распятия

Самая главная мишень обозначилась не сразу. И это тоже не случайно. Поразить ее сразу было невозможно, потому что она относилась к сфере сакрального. К той сфере, которую нормальное, здоровое общество всегда защищает особенно ревностно. Чтобы люди перестали защищать свои святыни, нужно заразить их ядом индифферентизма, безразличия. Для этого и придумано было такое информационное оружие, как политкорректность. Если бы людям сказали: “Наплюйте на свои святыни! Ешьте, пейте, веселитесь, ибо завтра умрем”, то далеко не все последовали бы этому призыву. А те, которые бы последовали, в основном и без призывов жили примерно таким образом и отродясь никаких святынь защищать не собирались. Нет, оружие под названием “политкорректность” придумано не для них. Оно для людей с развитым “верхом”, приверженных высоким идеалам, обладающих чувствительным сердцем. Такие люди хотят быть хорошими, терпимыми, милосердными. Им не хочется никого обижать, напротив — очень хочется быть примерными христианами. Привлеченные гуманным отношением к инвалидам и неграм, они-то и попадают в ловушку политкорректности, которая как раз подсказывает им якобы верный путь, предлагая гораздо более правильные, нейтральные слова. Слова, не ранящие и без того раненых своей долей.

Но поскольку слово неотделимо от смысла, смягчается и смысл обозначаемого явления. Не падшая, не публичная женщина, не проститутка, а “ночная бабочка”. Смягчается и отношение к ней: как осуждать “ночную бабочку”? Это ведь так красиво, романтично, безобидно! Только идиоты могли осуждать бабочек. Но память-то подсказывает, чем она занимается, эта бабочка. И как ее называли недавно, тоже трудно сразу забыть. Одно накладывается на другое, сталкивается, вызывает противоречивые чувства... Нет, лучше вовсе не думать об этом. Пусть оно как-нибудь само... Моя дочь (жена, мать), к счастью, не проститу... то есть не ночная бабочка. Короче, это все не о нас. Так что пусть живут, как знают, и называются, как хотят.

Отстранение соседствует с охлаждением. Когда этого отстранения много, то разовое охлаждение переходит в хроническую теплостыдность. А ее, эту теплостыдность, еще и морально подкрепляют, выдавая грех человекоугодия за истинно христианскую любовь. И постепенно человек привыкает молчать о том, о чем он как христианин молчать не должен. Привыкнув же, сдает и следующие рубежи. Тем более что натиск на христианские святыни тоже ведется иезуитски-изошренно, под видом любви к людям.

“В некоторых приходах, — писал еще в начале 60-х гг. XX века католический кардинал Лефевр, выражая свое несогласие с начавшейся модернизацией католической церкви, — родителям, готовящим детей к первому причащению, не советуют помещать распятие в детской, “чтобы не травмировать их”, но предлагают заменить его “изображением, понятным их возрасту, например, собаки как символа верности”, — изображением, которое они, повзрослев, найдут в катехизисе, где не будет ни слова о распятом Христе.

В поисках новых слов французские католические богословы доходят до того, что в молитве Господней при крещении вместо “Que ta volonté soit faite” (“Да будет воля Твоя”) предлагают “Que ta volonté soit fete” (“Да будет воля Твоя праздником”). Это богословие упразднения креста, в обход страданий. Мы видим, что выбор слов делается так, чтобы непременно угодить человеку с современной психологией. Уже не говорят об искуплении, но об “освобождении”, со всем тем, что это слово содержит в своей двусмысленности. Некоторые заявляют, что язык Христа, говорящего о Своем Отце, не может быть

приемлем для людей, знакомых с Фрейдом: “Слова Отец и Сын уже неадекватны словам Бог и Иисус. Говоря о Боге, следует говорить об источнике жизни и не употреблять слово “Отец”...”

И далее: “Перед нами мессианский гуманизм, где Бог растворяется в человечестве”. Это страшное размывание границ света и тьмы не может, разумеется, не вызывать жгучей тревоги у многих католиков. В очень трезвой книге “Церковь миссионерская и демиссионерская” Андре Пьеттр пишет: “Уже не говорят о чуде, об искуплении, о Евхаристии, о Приснодевстве, о молитве, о благодати, о грехе... но о диалоге, о свободе, о радости, о любви и т. д. Короче говоря, отрицают молчанием” (Архиепископ Марсель Лефевр. “Они предали Его. От либерализма к отступничеству”. С-Пб., “Владимир Даль”, 2007, стр. 8–10).

Призывы Лефевра остановиться не были услышаны. Наоборот, после II Ватиканского собора “осовременивание” католической церкви стало набирать обороты, а строптивого “ретрограда” Ватикан в конце концов наказал отлучением.

И тридцать лет спустя видный американский политик Патрик Бьюкенен рассказал в своей книге “Смерть Запада” о дальнейшей творческой переработке священных текстов: “Строки “белым, как снег, Господь, сделай меня...” из гимна “Все в руке Твоей, Боже” часто поются как “Омой меня, Господь, омой”. Очевидно, словосочетание “белый, как снег” имеет расистский подтекст. Обращение “Отец, Сын и Дух Святой” ныне заменено на “Творец, Искупитель и Опора”, что делает фразу более нейтральной с гендерной точки зрения. А нью-йоркская церковь Риверсайд предпочитает такое обращение: “Отец, Сын и Святой Дух, Единый Господь, Матерь людская”... Гимны “Вперед, Христовы воины” и “Я солдат креста” отвергнуты как чрезмерно воинственные. Гимны “Он вел меня” и “Господь, Отец людей” признаны шовинистическими. Гимн “Да упокоит вас Господь” также недопустим; гимн “Вера наших отцов” постоянно критикуется. Те, кому нравится мелодия, но не нравятся слова, могут подставлять “матерей” или “предков” вместо “отцов” (П. Бьюкенен. “Смерть Запада”. АСТ, М., 2003, стр. 262).

И еще о дне нынешнем. Из уже упоминавшейся книги С. Г. Кара-Мурзы: “Сегодня мы видим, как модернизация сокрушает последний бастион языка, сохраняющего древние смыслы, – церковь. Мало того, что священники вне службы, даже в облачении, стали говорить совершенно “правильным” языком, как журналисты или политики. Модернизации подвергаются священные тексты. Действия в этой сфере – целая программа. Приступают к изданию новой Библии с “современным” языком в Англии, тиражом 10 миллионов экземпляров. Теологи старого закала называли ее “модерн, но без Благодати” (само понятие Благодати из нее изъято и заменено “незаслуженными благами”). Вычищены из Библии и понятия искупления и покаяния. И, наконец, ключевое для христиан слово “распятие” заменено “прибавлением к кресту”. Наполненные глубинным смыслом слова и фразы, отточенные за две тысячи лет христианской мысли, заменены “более понятными”. Как сказал архидиакон Йорка, Библия стала похожа на телесериал, но утратила сокровенное содержание.

Мы уж не говорим о пошлой и конъюнктурной политической цензуре Священного Писания. Недавно в США начали переходить на новый, “политически правильный” перевод Библии, из которого исключено упоминание о том, что Христос был распят иудеями. Был, мол, распят, а кем и почему – неважно. Это – чтобы устранить из Евангелия “антисемитизм”. Чтобы не обидеть феминисток, изменено понятие Бог-Отец (он теперь Бог-отец-мать), так что рушится вся суть Троицы. Внесены и многие другие подобные “демократические” изменения” (там же, стр. 91).

Да, коварное, поистине дьявольское оружие придумали богоборцы! Они будут оголтело разрушать Церковь, а им слова не смей сказать. В противном случае будешь объявлен не только неполиткорректным, а бессердечным и злым. Начинаются политкорректные “наезды” и на Русскую Православную Церковь. Не так давно Антидиффамационная лига обвинила ее “в использовании за Литургией антисемитских пассажей”. Это никакой не курьез или недоразумение, а первая проба пера. Выражаясь по-военному, разведка боем.

“Но судите судом праведным...”

В связи с политкорректностью важно рассмотреть тему осуждения, которая так актуальна в православной среде. Ведь, действительно, христиане не должны осуждать, осуждение – это грех. Практически в любой книге о духовной жизни можно найти цитаты, подтверждающие эту мысль. Вот всего одна. Св. Тихон Задонский: “Когда что худое увидишь в твоём ближнем, то запечатай уста твои молчанием, а о нем воздохни ко Господу, да исправит его; и о себе молись, дабы в такой же порок не впасть, потому что мы – немощные, и с нами может случиться то же или даже еще худшее”.

Но, конечно, главный аргумент против осуждения – это слова Спасителя “не судите да не судимы будете” (Мф. 7:1). Однако чуть позже в том же Евангелии от Матфея Господь прямо повелевает обличать согрешившего брата (Мф. 18:15–17). Да и Сам порой выражается весьма нелицеприятно: “лицемеры”, “сын погибели”, “род лукавый и прелюбодейный”, “сатана” (последнее – по отношению к будущему первоверховному апостолу Петру).

А св. Иоанн Креститель? “Порождения ехиднины! – обратился он к фарисеям и саддукеям. – Кто внушил вам бежать от будущего гнева?” (Мф. 3:7). Он не боялся обличать даже самого царя Ирода, за что и поплатился головой.

И многие христианские святые далеко не всегда проявляли политкорректность. Священномученик Афиноген, возмущенный арестом монашеской братии, придя в город к судье, начал громко кричать: “Зачем ты обокрал меня, мучитель, расхитив церковь мою? Пусть видит Бог злое дело, совершенное тобой, и пусть обрушится Своим гневом на тебя!” А когда игемон Филомарх пытался заставить его принести жертву идолам, святой ответил ему, прямо скажем, не очень вежливо: “Мучитель незаконный, пес прескверный и безстыдный! Не испугаешь нас своими угрозами, делай, что хочешь: мы готовы терпеть все за нашего Бога”. Не церемонилась со своим истязателем и мученица Марина: “Мерзкий пес! Свинья! Ты пожираешь человеческое мясо”, – вот что он услышал от нее. И мученица Христина князя, который ее терзал, назвала нечестивцем, а своего отца – слугой сатаны.

Какой же вывод можно сделать? Разрешимо ли это противоречие? Сами разрешать его не дерзаем, обратимся за помощью к духовно просвещенным отцам.

Св. Василий Великий пишет: “Поскольку Господь иногда говорит: “Не судите по наружности”, а иногда повелевает: “Но судите судом праведным” (Ин. 7:24), то не вовсе запрещается нам судить, а показывает различие суда... Поэтому, если что зависит от нашего произволения, иногда даже бывает и неизвестным, за то не надобно осуждать брата, по сказанному у апостола о неведомом: “Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения” (1 Кор. 4:5). Но защищать суды Божии – непрерываемая необходимость, чтобы у малчиющему самому не вкусить гнева Божия...” (“Алфавит духовный”, Прав. Братство св. Иоанна Богослова. М., 2006, стр. 322–333).

История Вселенских соборов, жития святых и вообще острая духовная брань, не прекращавшаяся с момента прихода Спасителя в мир, ярко иллюстрируют нам это поучение. Вот, например, как противостояли Брестской унии 1596 г. верные пастыри Православной Церкви. Иоанн Вышенский, уроженец Судовой Вышны под Львовом, подвизавшийся на Афоне, слал своим соотечественникам вдохновляющие послания. Короля Сигизмунда III, боровшегося с православными и всячески способствовавшего укреплению униатов, он называл “дьяволом в короне”. А в “Послании к епископам, которые отступили от Православия”, писал: “Для чего именем христианским бесстыдно осмеливаетесь себя называть, если чести этого имени не уважаете?.. Будьте прокляты вы, (униатские) владыки, архимандриты, игумены, которые опустошили (православные) монастыри и сделали себе из святых мест именья, сами вместе с друзьями и слугами проводят там развратную и животную жизнь, возлежа на святых местах... а в монастырях нет монашеской жизни, нет пения и молитвы, воют псы...” (Н. Гайдук. “Брестская уния 1596 года”. Православное Братство во имя Архистратига Михаила, Минск, 1996, стр. 68). Св. Афанасий Брестский проклинал унию даже перед своей казнью, стоя на краю выкопанной для него могилы. Как видим, политкорректностью там даже не пахло.

В согласии с Василием Великим рассуждал и св. Иоанн Златоуст. Поясная изречение Господа “не судите да не судимы будете”, он говорил о том, что Спаситель не всех и не за все запрещает судить, а только если человек, будучи исполнен бесчисленных грехов, порицает другого за маловажные проступки. Это рассуждение приводит в своем труде “Отпущение грехов и мнимая христианская любовь и всепрощение” архиепископ Аверкий (Таушев). Увидев ужасы кровавой богоборческой революции в России, а потом попав на Запад и убедившись, что либерально-демократическая идеология и там производит ползучий богоборческий переворот, он прекрасно понимал, каким тоталитаризмом греха чревата в современных условиях проповедь тотального неосуждения (здесь и далее см. интернет-сайт “Православие и мир”).

“А теперь, в переживаемое наше страшное время циничного и откровенного лютого безбожия, мы, как христиане, верные Христу-Спасителю и Его Истинной Церкви, не можем не осуждать со всей решительностью безбожников и кощунников, лютых богоборцев, стремящихся искоренить во всем мире веру Христову и разрушить Святую Церковь, осквернивших Отечество наше и надругавшихся над нашими святынями... Надо хорошо знать и помнить, что совершенно чуждо истинного христианства зловерное толстовское учение о непротивлении злу (кстати сказать, погубившее нашу несчастную Родину-Россию и сввергнувшее ее в страшные кровавые ужасы большевизма!): всякий истинный христианин непримирим ко злу, где бы и в ком бы он его ни встречал”, – пишет архиепископ Аверкий.

И далее: “Мы осуждаем слуг грядущего Антихриста и самого Антихриста. Неужели все это есть греховное осуждение, запрещаемое Евангелием, как пытаются убедить нас в этом современные умники-неохристиане, исполненные какой-то необыкновенной сверхлюбви и всеохватывающего прощения?”

Архиепископ Аверкий пишет и о том, кому выгодно подобное всепрощение: “Совсем никого и ни за что не осуждать – такого настроения в современном христианском обществе только и хотят добиться слуги грядущего Антихриста для того, чтобы им легко и просторно было действовать, подготавливая в мире обстановку, благоприятную для скорейшего воцарения их властелина. Неужели в наше время каждому честному и сознательному христианину еще может быть не ясно, что безусловное всепрощение нужно лишь врагу Христову Антихристу, дабы люди окончательно потеряли чувство различения добра и зла, помирились бы со злом, охотно приняли его, а затем и самого Антихриста, не помышляя о борьбе с ним?”

О том же говорил в 1925 г. и Иван Ильин: “Если я, не вмешиваясь, предоставляю свободу злодею духовно губить и кощунствовать, то я соучаствую в его злодеяниях. Где расточенная доброта попирается свирепыми животными (Мф. 7:6), там необходимы гроза, страх, меч и страдание. А не говорить злу ни да ни нет, значит сказать ему “да”, поэтому прячущийся вовсе не выжидает, а предает, ибо молчанием предается Бог” (“Новый Век”, № 3, (36), 2006).

Эту же позицию подтвердил несколько лет назад и Святейший Патриарх Алексий, говоря о необходимости активной борьбы с развращением детей и молодежи: “Если мы будем молчать, нас просто уничтожат”.

Какое осуждение праведно?

Итак, осуждение осуждению рознь. По каким же критериям, кроме лицемерия и ханжества (когда, не обращая внимание на бревно в своем глазу, возмущаются сучком в чужом), предлагают учителя Церкви опознавать греховное осуждение?

Критерии эти в сердце человека. Что им руководит? Он действительно печется о Божественной истине или хочет свести личные счета, унижить кого-то из зависти к его успеху, показать себя, получить какую-то выгоду? Современному выражаясь, есть ли у него скрытая греховная мотивация? Со стороны понять это далеко не всегда возможно, но христианин, который не хочет впадать в грех осуждения, должен внимательно прислушиваться к себе, испытывать свою совесть.

Важно и не распаляться злобой. Авва Макарий сказал: “Если ты, делая кому-либо выговор, придешь в гнев, то удовлетворишь своей страсти. Таким

образом, чтобы спасти другого, ты не погуби самого себя” (“Древний Патерик”, изд. Отд. Московской Патриархии, изд-во “Планета”, М., 1991, стр. 52). И архиепископ Аверкий говорит, что “запрещается не суждение о поступках ближнего и не осуждение его злых поступков само по себе, а злое чувство в душе по отношению к ближнему со стороны человека, который сам также грешит или даже еще больше, не думая о своем собственном исправлении”.

Запрещаются и сплетни, злые пересуды, злоречие. Они ведь тоже часто происходят не из желания установить истину, а из тщеславия, излишней подозрительности, склонности замечать в окружающих только дурное, мизантропии.

“Иными словами, – подытоживает архиепископ Аверкий, – запрещается всякая злоба и злорадство в отношении грешащего ближнего, на личной почве, а отнюдь не справедливая, чисто идейная оценка его поступков и поведения, каковая не только не противна Евангелию и не предосудительна, а, наоборот, даже необходима, дабы мы не стали, в конце концов, относиться безразлично к добру и злу, и зло не восторжествовало бы, вследствие этого, в мире”.

Попробуем привести несколько примеров. Многие знают старинную историю, как некий человек, наслышанный об аскетизме монахов одной из обителей, был очень смущен тем, что когда они пригласили его на трапезу, на столе были разнообразные яства и даже вино. Он ушел от монахов с осуждением в душе, решив, что разговоры об их подвижничестве – выдумка. Но Бог очень скоро открыл ему неправедность его осуждения. Волею обстоятельств этот человек неожиданно вернулся в монастырь и застал совсем иную картину. Никаких разносолов и вина не было в помине. Хлеб с водой, да и те в небольших количествах. И он устыдился, поняв, что яства на столе свидетельствовали о любви к гостю, а не о чревоугодии хозяев.

На основании этой истории делается совершенно правильный вывод, что не нужно спешить с осуждением не постящегося человека. Мало ли по каким обстоятельствам это происходит? Может, он забыл, что день постный (как произошло в юности с св. Силуаном Афонским). Или не может выдержать по слабости здоровья, или – что чаще – по слабости воли. Короче, это его личный грех, за который он сам и ответит.

Но если человек возводит несоблюдение поста в принцип и к тому же стремится распространить его на других, молчать нельзя. И уж тем более не следовало бы это делать, если бы кому-нибудь вздумалось “модернизировать” таким образом Церковь, заявив, что католики посты практически отменили. Чем мы хуже?

А вот про содомитов, на наш взгляд, не следует говорить, что пусть они у себя дома занимаются, чем хотят, лишь бы парад на Красной площади не устраивали и не рекламировали свой образ жизни. Содомия (как и разврат вообще) не личное дело каждого. Это воронка, в которую мало-помалу втягивается все больше людей, в том числе юноши, подростки и даже маленькие дети. Так что содомию необходимо осуждать, не дожидаясь, пока содомиты явятся в школы. И не только осуждать, но и карать по закону, о чем недвусмысленно говорит Священное писание. Этот подход худо-бедно соблюдался вплоть до начала 90-х, пока в условиях однополярного мира Россию не начали втягивать в построение нового мирового порядка, в котором “христианская составляющая”, как мы видим, все быстрее сходит на нет. Сейчас, когда Россия явно укрепляет свои экономические и политические позиции, пора вернуть “традиционную ориентацию” и в подходах к мужеложеству.

Попробуем понять и то, чем отличается праведное осуждение (которое сейчас чаще называют обличением) от сплетен, пересудов и злоречия. В сплетнях обычно бывает много лжи, клеветы – того, что совершенно несовместимо с христианской нравственностью. Но даже если все, говорящее о человеке (или сообществе людей) – правда, следует задать себе вопрос: для чего это говорится? Чтобы почесать языком? Тогда мы впадем в грех празднословия. Чтобы показать, какой человек плохой, а мы хорошие? Тогда смотри выше про гордость, тщеславие и проч. Но когда мы видим, что собеседник по незнанию готов связаться с человеком непорядочным, опасным, лукавым, предупредить его – наш долг. Можно обличать чьи-то плохие поступки и в назидание другим. Воспитывают ведь не только на подражании хорошим примерам, но и на отвращении от дурных. Это задает систему координат.

В любой культуре, даже в самой толерантной, есть свои герои и злодеи. Без восхваления первых и осуждения вторых нет ни педагогики, ни литературы, ни истории, ни политики. Вообще нет нормальной социальной жизни, а есть этакая “вселенская смазь”, создающая питательный раствор для моральной деградации.

Кстати, в последнее время можно услышать, что христиане не должны осуждать умерших. Особенно настойчиво это звучало в связи со смертью Ельцина. Дескать, не смейте вспоминать, что он развалил Советский Союз, ограбил народ, привел к власти аферистов, которые быстро спелись с бандитами и принялись дружно выполнять план Бжезинского по превращению России в “лишнюю страну”. Не смейте подсчитывать число погибших в двух чеченских войнах и сотнях терактов, не смейте поминать о бомжах, наркоманах и беспризорниках, расплодившихся за время его правления, об униженных военных, обнищавших ученых. Разве это по-православному? В доказательство почему-то приводится римская (то есть языческая) пословица “О мертвых или хорошо, или ничего”.

Но, исходя из этой логики, не надо осуждать Гитлера. Зачем ему столько лет поминают Холокост и угнанных в рабство славян, убитых солдат и сожженные вместе с жителями села? И Нерона не надо осуждать, и Иуду. Они же умерли. Так, может, и про них “или хорошо, или ничего”? Впрочем, все это давно уже было. Иуде, как известно, большевики поставили памятник в городе Свяжске (правда, он долго не простоял). А споры о том, можно ли осуждать умерших, бытовали в христианской среде задолго до нас. В частности, на V Вселенском соборе, когда решался вопрос о посмертном анафематствовании Феодора Мопсуетского. “Защитники Феодора говорили, что его нельзя осуждать. Так как он уже умер. Собор доказывает неосновательность подобного суждения, ссылаясь на примеры, показывавшие, что не безвременно осуждение еретика и после его смерти. Здесь Собор останавливается главным образом на свидетельствах св. Кирилла Александрийского и блаж. Августина. Св. Кирилл писал: “... и так должно осуждать тех, которые повинны в дурных поступках, в живых они находятся или нет” (Архиеп. Аверкий (Таушев). “Семь Вселенских соборов”. М-Спб., 1996, стр. 85).

Для тех, кто “начальствует над людьми”

Путаница в вопросе “осуждать – не осуждать” часто возникает еще и потому, что не все поучения, предназначенные для монахов, годятся для жизни в миру. “Пример Господа Иисуса Христа показывает нам, с какой кротостью и терпением должны мы переносить погрешности человеческие, – поучал св. Иосиф Оптинский. – И если мы не начальствуем над людьми, то должны равнодушно взирать на зло”.

Большинство монахов действительно ни над кем не начальствуют. Они умерли для мира, у них нет ни семейных, ни общественных, ни государственных обязанностей. Их главное дело, главный способ противостояния злу – это молитва. (Хотя в нынешних условиях многим монастырям приходится вести огромную социальную работу.)

Но почти любой взрослый мирянин над кем-то начальствует: родители над детьми, муж над женой, учителя над учениками, руководители над подчиненными, офицеры над солдатами, власть над народом. И они не имеют права равнодушно взирать на зло! Если, конечно, хотят оставаться христианами.

Желая подчеркнуть, как велика ответственность родителей за добронравное воспитание детей, св. Иоанн Златоуст приводит пример из Ветхого завета. Сейчас этот пример используется в религиозно-педагогической литературе довольно часто, но трактовка Златоуста гораздо глубже и, как ни странно, современной. “У иудеев был один священник, во всем прочем исправный и умеренный, по имени Илий, – пишет он. – У этого Илия были два сына, предававшиеся крайнему нечестию. Он не удерживал и не останавливал их, или лучше сказать, хотя и удерживал и останавливал, но не надлежащей тщательностью и силой. Тогда как следовало сечь их, выгонять их из отеческого дома, употреблять все способы исправления, он только увещевал и советовал, говоря так: “Нет, дети мои... не делайте так, ибо не хороша молва, которую я слышу” (1 Цар. 2:24). Что говоришь ты? Они оскорбили Господа, а ты назы-

ваешь их чадами? Они не признают Создателя, а ты признаешь родство с ними? Потому и говорится, что он не вразумлял их, ибо вразумление состоит в том, если мы не просто советуем, но если наносим рану сильную, решительную и такую, какой требует болезненная гнилость. Недостаточно только сказать или предложить увещание, но надо внушить и великий страх, чтобы пресечь беспечность юности. Итак, когда он хотя увещевал, но не вразумлял, как должно было, Бог предал их врагам, во время сражения они пали, и сам он, не перенеся вести об этом, упав, разбился и умер. Видишь ли, как справедливо я сказал, что отцы бывают детоубийцами, не принимая сильных мер в отношении к беспечным детям своим и не требуя от них благоговения к Богу? Таким образом Илий сделался детоубийцей. Ибо хотя сыновей его умертвили враги, но виновником убийства был он, лишивший их помощи Божией своим нерадением о них и оставивший их беззащитными и открытыми для желающих умертвить их. И не только их, но вместе с ними он погубил и себя самого” (“Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста”. М., “Дар”, 2006, стр. 88–89).

Нетрудно предвидеть реакцию некоторых читателей на эту цитату. Нам уже не раз доводилось слышать, что святые отцы писали для своего времени, а сейчас старые, тем более ветхозаветные методы вразумления абсолютно неуместны.

— Это что ж получается? — воскликнут такие читатели. — Вы против вежливости? За крики и ругань? За постоянные уличения и обличения?

Отнюдь, дорогие друзья! Заявляем со всей определенностью: мы за вежливость, улыбки, против криков, грубости и хамства. Даже одну из своих книг назвали “Проклятие Хама”. И детей советуем чаще хвалить, а не уличать или обличать. И не сомневаемся в том, что общаться “в духе кротости” всегда предпочтительней. Нам, например, очень нравится такое поучение аввы Пимена: “...если человек согрешит и будет отрекаться, говоря: “Я не грешен”, — не обличай его, иначе отнимешь у него расположение (к добру). Если же скажешь ему: “Не унывай, брат”, — чрез это возбудишь душу его к покаянию” (“Древний Патерик”, стр. 174).

Но, увы, это поучение не универсально. В том смысле, что применимо не ко всем. Из самого текста поучения явствует, что “брат” хотя бы в глубине души унывает из-за содеянного, что совесть его неспокойна. Иными словами, у него есть пускай скрытый, но все-таки импульс к покаянию.

Однако бывает, — причем в современной жизни не так уж редко, — что совесть крепко спит, и для ее пробуждения требуется что-то вроде барабанного боя. Можно ли было кротко вразумить бандитов, захвативших заложников в “Норд-Осте”? А “гроссмейстеров”, рассматривающих мир как шахматную доску и пролитие человеческой крови как выигрыш партии? Можно ли ласково увещевать насильника, деторастлителя, наркомана, которому срочно нужна доза? Да какое там! Куда более законопослушные, вполне социализированные и даже претендующие на управление социумом люди (к примеру, чиновники) нередко вразумляются, только услышав сверху грозный окрик или лишившись места, а то и свободы.

“Письма к пьющему брату”

Размышляя на темы допустимого и недопустимого давления, перехода кротости в попустительство и т. п., мы натолкнулись на совет игумена Никона (Воробьева), который он дал жене алкоголика: “Если он пьет, то надо его пожалеть. Он уже раб своей страсти. Один, своей силой избавиться он не может... ты не должна требовать от него здоровья, когда он болен, а должна оказывать снисхождение его немощи. Не должна ругать, когда он пьян, а молчать, чтобы не вызвать на что-либо худшее. И в трезвом состоянии ты должна не пилить его, а совместно обсудить с ним, как вам быть, чтобы общими усилиями победить его слабость...” (“Носители духа святителя Игнатия”, изд. 4, 2005, стр. 121–122).

Признаться, мы были смущены, потому что, привыкнув с уважением относиться к советам старцев, не могли просто отмахнуться от этих строк. А опыт взаимодействия с алкоголиками — профессиональный (поскольку таковые нередко встречаются среди родителей наших маленьких пациентов) и жизненный — свидетельствовал о другом: о том, что далеко не со всеми

подобные советы приводят к желаемому результату. Поэтому мы решили обождать с выводами в надежде, что ситуация со временем прояснится.

И она действительно прояснилась. Совсем недавно, находясь далеко от Москвы, купили брошюрку: игумен Никон (Воробьев) “Будь милостив к себе. Письма к пьющему брату и его жене” (М., 2002). Вкратце суть дела такова. Сначала игумен Никон писал письма жене “пьющего брата”. Утешал, уговаривал потерпеть, говорил: “Ты стоишь на верном пути, а он на гибельном”. Потом к нему приехал ее муж. По словам игумена Никона, “со скорбью рассказал” об их взаимоотношениях и, как это часто бывает с алкоголиками, постарался в своем пьянстве обвинить жену. Она-де сварливая, то и дело осуждает и огорчает. А учитывая нередко присущий алкоголикам артистизм, обвинения его могли прозвучать вполне правдоподобно. Во всяком случае, игумен как раз после этой встречи и послал К. (жене “пьющего брата”) процитированные наставления. Но потом познакомился с С. (мужем) поближе, и тон его разговора с ним стал меняться, постепенно переходя от мягко-увещательного к строгому и даже суровому. Вначале: “Дорогой, милый, добрый, умный С.! Опомнись: куда ты идешь? Если тебе здесь еще тяжело, то каково будет после смерти?.. В светлую минуту помолись Господу, Он поможет тебе и все простит... Приезжай к нам”.

Через какое-то время тон уже более сдержанный: “С., ты имеешь все условия для покаяния и спасения... какие в наше время редко кто имеет... Очень советую тебе: не оправдывай себя ни в коем грехе, как бы мал он ни казался”.

Жене (К.) старец, кстати, уже не делает выговоров за недостаточную кропотливость, а наоборот, пишет мужу: “С., у тебя есть дома учительница духовной жизни – К. Ты перед ней младенец-сосунок. Поэтому слушайся ее, спрашивай о всем, что тебя интересует в духовной жизни. Ни один духовный отец так не может любить, как она тебя... К. не обижай и еще говорю – слушай ее в вопросах духовных”.

Еще через некоторое время: “Дорогой С., я слышу, что ты совсем попал в сети врагии. Неужели ты этого не видишь? Неужели не ясно, что враги хотят тебя погубить? Жить тебе осталось немного. Если не одумаешься, то после смерти попадешь прямо в руки бесов. Ты знаешь, как они жестоки... А ты что делаешь, кое-как исповедуешься и чуть ли не в пьяном угаре причащаешься. Что это такое? О чем ты думаешь? Знай, что Бог поругаем не бывает... Ты стоишь на краю пропасти. Бесы легко могут столкнуть тебя в бездну”.

Старец уже не зовет С. к себе, как вначале, и даже отказывает ему в просьбе повидаться: “Твой приезд я не считаю необходимым для твоей душевной пользы. Ты сам знаешь, что надо делать”.

А вот чем закончилась эта переписка: “Получил твое многословное письмо. Из него видно, что ты ничему не научился. Все та же старая песня, самооправдание, обвинение других и нежелание потрудиться над своим спасением... Твое дело ясно. Если хочешь спастись, перестань напиваться и предавать себя в руки бесов. Не будет от них пощады тебе, если Господь отступит от тебя за твои мерзости... Ко всем грехам своим ты еще прибавляешь фарисейство. Твой несчастный язык оправдывает тебя во всех мерзостях и грехах, а обвиняет других. И люди верят этому, а ты в очах Божиих делаешься фарисеем, которых так не любил Господь и заживо осудил их, если не покаются”.

Политкорректные ругательства

Напоследок зададим вопрос: верны ли сами проповедники тотального неосуждения заявленным принципам? Проявляют ли они сами безграничную терпимость и всеобъемлющее прощение?

Нисколько! Они осуждают, причем весьма энергично. Хотя и в духе политкорректности. Что же подвергается осуждению? Составим краткий перечень: – патриотизм (“ура-патриоты”); – приверженность корням, традиции (“традиционалисты”, “фундаменталисты”); – защита нравственности (“моралисты”); – искренняя, горячая вера, защита православных ценностей (“ревнители”, “ура-православные”).

То есть все эти слова, изначально имеющие положительный смысл, стараются сделать “культурно-ругательными”, опустить их вниз, поставить знак

минус. И в рамках информационной войны за построение глобалистского миропорядка это вполне логично. Любовь к своей Родине и народу, нравственный образ жизни и, главное, живое, ревностное Православие мешают довершить создание “прекрасного нового мира”, который придется по вкусу Антихристу.

А что, по этой логике, должно выступать со знаком плюс? Политкорректоры пока дипломатично молчат. Ничего, мы скажем за них, выстроим пары смысловых антиподов. Итак, “ура-патриоты” – плохо. Тогда что же хорошо? Вероятно, “ура-предатели”? Быть фундаменталистом плохо. Значит, надо быть обосновательным, строить на песке. Моралистом быть плохо. Выходит, защищать или попускать разврат – похвально? “Ревнитель”... Как бы поточнее сказать наоборот? Пофигист? – этот неологизм уже прочно вошел в разговорную речь. Но лучше выразимся пополиткорректней, предложив собственный неологизм – “наплеватель”.

“Ура-православные”. Тут, пожалуй, возможны два контрварианта, выбирайте на вкус: “капут-православные” или, если особо не политкорректничать, “ура-сатанисты”. По сути это одно и то же.

Нет, нельзя, поддавшись на грошковые уловки, отказываться от хороших понятий и слов, бояться прослыть патриотом, ревнителем и моралистом. Не стоит и отдавать извращенцам голубой цвет, цвет неба и Богородицы. Политкорректность не просто лукава, она вероломна, нацелена на слом веры. А поскольку оружие это информационное, то и заряжают его словами. Вот почему так важна сейчас битва за слова и смыслы. В ту, “классическую” войну, когда битва, казалось бы, шла за территорию, ресурсы, в общем, – за нечто материальное, Анна Ахматова с прозорливостью гения призвала нас к самой главной битве, написав в 1942 году стихотворение “Мужество” (выделено нами. – **И. М., Т. Ш.**):

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Как известно, “ура!” – боевой клич победы. Не заменить ли нам дефис в слове “ура-православные” на запятую? И тогда получится: “Ура, православные! В атаку!”

Впрочем, столь эпичная концовка требует некоторого смягчения. Поэтому завершим на зоолирической ноте. Учебники по этологии (поведению) животных представляют собой истинный кладезь, черпая из которого можно весьма обогатить политкорректный новояз. Приведем лишь один пример: термин “поощрительное спаривание”. Это когда самец за добытый для подруги корм получает от нее соответствующую благодарность. До чего ж деликатно звучит по сравнению с грубым словом “проституция”! Хотя, согласитесь, означает то же самое. Но книгу, из которой мы взяли такой чудный политкорректный образчик и в которой еще очень много подобных изысков, называть не будем. Это, как говорится, за отдельную плату.